

ИССЛЕДОВАНИЯ

История изучения природных ресурсов как «общая территория» истории биологии и экологической истории

Ю.А. Лайус

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН
им. С.И. Вавилова, Санкт-Петербург, Россия; jlajus@gmail.com

Природные ресурсы, в том числе биологические, играли и играют огромную роль в экономике, социальной организации и культуре человечества. В то же время необходимость изучения ресурсов, их разнообразия, количества, распределения по земной поверхности и управления их использованием было одним из важнейших стимулов развития естествознания. Поэтому история изучения биологических ресурсов, может рассматриваться как в рамках истории биологической науки, так и в рамках новой исторической дисциплины — экологической истории¹.

Экологическая история — новое научное направление, сложившееся в течение последних двадцати лет XX в., которое изучает историю взаимоотношений человека и природы. Экологические историки внимательно исследуют как историю практик обращения с природой и ее ресурсами, выработанных разными сообществами людей, так и роль экспертов-ученых в изменении этих практик. И на этом-то поле исследований они и встречаются с историками биологической науки.

В последнее время происходит осознание общности части «территории» этих двух таких во многом разных дисциплин. Достаточно прочитать введение к последнему номеру ведущего международного журнала по истории биологии (Journal of the History of Biology), отданного целиком на откуп экологическим историкам. В этом введении

---

¹ Подр. об экологической истории см.: Александров и др., 2008.

Либби Робин и Джейн Каррутерс, хорошо известные экологические историки — из Австралии и Южно-Африканской Республики соответственно, — утверждают, что внимательное ознакомление с работами в области экологической истории может существенно обогатить многие аспекты истории биологии, и, естественно, обратное тоже верно (Robin and Carruthers, 2010).

Еще одна дисциплина, которая имеет «общую территорию» с историей биологии и экологической историей, — это историческая география. Историческая география по многим вопросам была предшественницей экологической истории, и в тех странах, где она наиболее развита (в первую очередь Великобритания и интеллектуально тесно с ней связанные Канада и Новая Зеландия), историческая география в университетах до сих пор занимает нишу экологической истории.

Таким образом, как наглядно демонстрирует настоящий выпуск журнала «Историко-биологические исследования», на «территории», обозначенной как «история изучения природных ресурсов», могут встретиться на равных историки науки, экологические историки и исторические географы. И эта встреча может создать новые пространства взаимодействия и существенно изменить привычный взгляд на развитие естествознания.

Еще одна дисциплина, релевантная заявленной теме, — экономическая история, среди подразделов которой особенно выделяется прошедшая долгий путь развития и потому традиционно сильная аграрная история. На наших глазах экономическая история теряет часть своих основательно разработанных тем, отдавая историю потребления культурным и технологическим историкам, а историю использования природных ресурсов — историкам экологическим (см. Burke, 2009). Такой переход из дисциплины в дисциплину часто может осуществляться одним и тем же автором, который в ходе творческой биографии меняет свою самоидентификацию.

Идея этого кросс-дисциплинарного и кросс-граничного выпуска также родилась из нескольких источников. С российской стороны его основу составили работы, написанные по результатам исследований в рамках научной темы по изучению развития прикладной биологии в Российской империи, выполнявшихся в секторе истории эволюционной теории и экологии СПбФ ИИЕТ РАН в 2006–2009 гг. В то же время, работы британских коллег, представленные в журнале, были впервые обсуждены на исследовательском семинаре «История изучения природных ресурсов и окружающей среды России», проведенном в январе 2010 г. в Университете Бирмингема в связи с окончанием длительного визита Ю.А. Лайус, поддержанного стипендией им. Мари Кюри от Европейского Союза. Британские авторы, представленные в этом выпуске, являются ведущими специалистами в области экологической истории и исторической географии России, часто приезжают в нашу страну работать с историческими источниками. Во время этих визитов они также участвуют в работе семинаров по экологической истории, с 2002 г. регулярно проходящих в Центре экологической и технологической истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. В настоящее время представляемая читателям журнала неформальная российско-британская группа пытается найти возможности для развития более тесного сотрудничества и организации научной сети по истории изучения природных ресурсов России.

История изучения и использования ресурсов в Российской империи тесно связана с государственным строительством, с одной стороны, и процессом становления и дифференциации научного знания, с другой (Бекасова, Лайус, 2008). Отдельные аспекты этой проблемы изучали историки, историки науки, географы, экономисты.

Тем не менее эта проблема никогда не анализировалась в целостности: изучение ресурсов отрывалось от изучения людей, их местного знания о среде обитания и повседневных локальных практик хозяйствования. Традиционно в отечественной истории науки преимущественно изучалось развитие биологии как фундаментальной науки, тогда как роль биологического знания в становлении сельского хозяйства и другой практической деятельности, связанной с природой и ее ресурсами, исследована недостаточно. Это особенно характерно для истории биологии России дореволюционного периода. Данный пробел в настоящее время начинает заполняться (Шербинина, 2005; Елина, 2008; Мун, 2009; и др.).

Биологические природные ресурсы, такие как почвы, лес, промысловые животные, в том числе рыба, играли очень важную роль в экономике Российской империи и Советского Союза, особенно до середины XX в., когда основой советской экономики стали минеральные ресурсы. Но даже до того, как произошел этот коренной поворот в отношении природных ресурсов, практики их изучения и использования постоянно менялись. Данный процесс был неотрывной частью процесса модернизации, одной из характерных черт которого в России, важное и для понимания взаимоотношений общества и природы, являлась центральная роль государства. Государство служило основной движущей силой модернизации, оказывающей решающее влияние на разнообразные социальные процессы, связанные с использованием природных ресурсов: производство, контроль, генерирование и использование знания, планирование и управление.

Российский моноцентризм в области государственного строительства и политики расселения и колонизации богатых природными ресурсами регионов решительно контрастирует с европейским полицентризмом в области освоения пространства и природных ресурсов. Европа со времен Средневековья отличалась достаточно высоким уровнем местной и региональной автономии, что сыграло важную роль в формировании моделей природопользования. Это хорошо видно на примере использования лесов, которое регулировалось большим числом региональных и местных законов (Radkau, 2003). В России, напротив, практики управления природными ресурсами не имели разработанной юридической основы, — она развивалась слишком медленно, а в советское время оказалась полностью разрушена.

В XVIII в. природные ресурсы рассматривались исходя из концепции «экономии природы» (Worster, 1994), восходящей к трудам Карла Линнея и его учеников. В рамках камеральной науки этого периода ресурсы и их местные пользователи описывались и изучались как единое целое (Koerner, 1996). Экспедиции Академии наук, организованные в 1760–1780-х гг., полностью следовали этой модели описания природных ресурсов в неразрывной связи с сообществами людей, которые их использовали. Все виды природопользования в этот период описывались сходным образом с тем, как описывались ремесла (Gillispie, 1957), а ученые и власти смотрели на ресурсы как бы глазами местных жителей.

В работах, составляющих настоящий тематический выпуск журнала, предлагается анализ изучения ресурсов, методов их использования и тех разнообразных социальных групп, которые были связаны с их использованием в Российской империи. Проведенные исследования позволили продемонстрировать на конкретном историко-научном материале, что сильная практическая направленность была характерна не только для советской, но и для дореволюционной науки.

Основные проблемы, рассматриваемые в статьях этого выпуска, касаются формирования экспертного знания о природных ресурсах. Изучение взглядов экспертов на природу оказывается важным для понимания того, как на основе экспертного знания формируются программы использования природных ресурсов. «Эксперты природы» выступают в роли интерпретаторов природных явлений, формулируя далеко идущие практические планы взаимодействия людей и природы. Из этой особой роли экспертов вырастают проблемы, в полной мере осознанные современными историками и социологами науки: что происходит со знанием, когда оно получает практическое применение? какое научное знание должно браться на вооружение политиками и практиками? в какой степени это знание может быть подвергнуто упрощению и реинтерпретации?

А.В. Бекасова в статье «Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: „взгляд“ естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах» анализирует процесс формирования представлений о природных богатствах на примере изучения интенсивной экспедиционной деятельности по описанию территории российского государства во второй половине XVIII в. Основное внимание в статье уделяется анализу процесса производства путевых наблюдений и создания описаний. Показано, как в процессе экспедиционной деятельности реализовывались практические прикладные задачи, поставленные перед естествоиспытателями, и как они были непосредственно связаны с реализацией различных государственных проектов по экономическому освоению территории империи и совершенствованием системы управления. История экспедиционного изучения территории и населения Европейской части империи рассматривается в непосредственной связи с экономической и колонизационной политикой российской монархии в период царствования Екатерины II. В центре внимания находятся отношения между местным практическим знанием, локальными интересами и государственными приемами описания и классификации, которые становились инструментами стандартизации и рационализации, и в конечном счете создавали сам объект изучения и управления — государственные ресурсы. Это позволило автору выявить особую логику концепции «государственного домохозяйства», которая, заметно отличаясь от современных представлений о характере отношений человека и природы, в значительной степени определяла как ученые, так и бюрократические практики того времени.

Исследования окраин Российской империи XVIII в. рассматриваются и в статье британского исторического географа, долгое время занимающегося изучением России, Дениса Шоу². Он концентрируется на двух достаточно хорошо известных примерах: исследованиях Камчатки С.П. Крашенинниковым и топографическом описании Оренбургской губернии П.И. Рычковым. Оба исследования отличал характерный для науки XVIII в. интерес к утилитарному знанию о территории, ее ресурсах и особенностях природопользования местных жителей, включая их знания о природе (которые мы теперь называем «традиционные экологические знания»). Шоу рассматривает исследования Крашенинникова и Рычкова в более широком европейском контексте, приводит интересные сведения о первом переводе «Описания земли Камчатки» Крашенинникова на английский язык. Интересен один из выводов автора о том, что упор на утилитарность, непосредственную хозяйственную применимость знания о ресурсах

²См., напр., перевод статьи Шоу о развитии географии в Петровскую эпоху в ВИЕТ (Шоу, 1999).

характерен в XVIII в. как для описания новых, малоизвестных территорий, так и для улучшения использования ресурсов территорий уже достаточно хорошо изученных.

Другой британский автор, Дэвид Мун, известный историк российского крестьянства³ предлагает нашему вниманию очень подробный экскурс в историю проблемы обезлесения российских степей 1760-х гг. до начала Первой мировой войны. Как известно, в России XIX в. эта проблема стала одной из первых экологических проблем, получивших серьезный отклик не только в трудах ученых, но и среди широкой общественности. Интересно, что именно в области изучения лесов обращение к прошлому, использование исторических данных, того, что мы теперь бы назвали данными исторической экологии, началось уже в первой половине XIX в. В статье хорошо освещена роль темы леса в научной и общественной жизни России, показана связь исторического дискурса и современных экологических проблем степного региона.

А.А. Федотовой, на примере исследования участия ботаников в Нижегородской экспедиции В.В. Докучаева, показано как изучение растительного мира сравнительно небольших и совершенно неэкзотических территорий изменило теоретические основания и задачи отечественных ботанико-географических исследований. Во время совместных полевых исследований почвоведов и ботаников, закладывались не только основы генетического почвоведения, — также были сформулированы и задачи отечественной геоботаники. Немаловажным стимулом для естественно-научных исследований служило намерение перевести российское сельское хозяйство на рациональные, научно обоснованные основания. Кроме того, экскурсии нового поколения ботаников по Европейской России были одновременно тем материалом, из которого строилась независимая отечественная ботаника и который скреплял работу ранее малочисленных и разобщенных ботаников-профессионалов и любителей. Интерес российских геоботаников к вопросам, связанным с инвентаризацией земель и угодий, наличие источников финансирования для подобных исследований, акцент на вопросах прикладного характера в момент институционального оформления дисциплины — все это привело к тому, что на протяжении XX в. преобладающими задачами российской геоботаники (фитоценологии) стали классификация и картирование растительности.

Последняя статья этого тематического выпуска существенно отличается от четырех предыдущих не только тем, что это единственная статья, посвященная советской эпохе, но также и тем, что тема изучения природных ресурсов затронута в ней достаточно опосредованно. Статья Ника Барона, историка и исторического географа, рассматривает конфликты 1920-х — начала 1930-х гг. вокруг проблемы секретности карт. Этот актуальный для всего периода советской истории сюжет чрезвычайно важен с точки зрения столкновения интересов разных ведомств, заинтересованных в охране, освоении и изучении территории страны. Как с достаточным основанием аргументирует автор, споры вокруг использования топографического знания отражают различные, порой совершенно полярные идеи о роли государства в постреволюционном развитии страны. Поскольку изучение природных ресурсов невозможно без их картирования и использования карт, созданных предшественниками, эта тема показалась нам достаточно важной для включения в настоящий тематический выпуск журнала.

Интересного вам чтения! Мы надеемся, что тема изучения и использования природных ресурсов, являющаяся «общей территорией» истории биологии и экологической истории, будет продолжать свое существование и в следующих номерах нашего журнала.

³ О нем см.: Лайус, 2009.

Литература

Александров Д., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история: сб. пер. / под ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб., 2008. С. 8–22. (Совр. напр. в ист. науке: сер. пер.).

Бекасова А.В., Лайус Ю.А. Изучение ресурсов в условиях многонациональной империи, конец XVIII — начало XX в.: к постановке проблемы // ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2007. М., 2008. С. 592–594.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII — 20-е годы XX века. М.: Эгмонт, 2008.

Лайус Ю.А. История науки и экологическая история: области пересечения дисциплин и случай Докучаева // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 43–47.

Мун Д. Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 48–71.

Шоу Д. Географическая практика и ее значение в эпоху реформ Петра Великого / пер. с англ. А.Э. Каримова и И.В. Москалевой // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 13–29.

Щербинина Н.А. Представления о природных ресурсах в России: XVIII в.: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2005.

Burke P. Afterword // Nature's End. History and the Environment / ed. by S. Sorlin, P. Warde. London: Palgrave MacMillan, 2009.

Gillispie C. Ch. The Natural History of Industry // ISIS. 1957. Vol. 4. P. 398–407.

Koerner, Lisbet. Carl Linnaeus in His Time and Place // Cultures of Natural History / ed. by N. Jardine, J.A. Secord & E.C. Spary. Cambridge University Press, 1996. P. 145–162.

Radkau J. Exceptionalism in European Environmental History // GHI Bulletin № 33 (Fall 2003). P. 23–44.

Robin L., Carruthers J. Introduction: Environmental History and the History of Biology // Journal of the History of Biology. 2010. Publ. online 27 July 2010.

Worster D. Nature's Economy. A History of Ecological Ideas. 2nd ed. Cambridge University Press, 1994.